

Износковъ сказалъ отъ лица всѣхъ сердечное привѣтствіе, съ указаніемъ на многіе просвѣтительныя труды Преосвященнаго Никанора. Его Преосвященство, поблагодаривъ за столь сердечное отношеніе и вниманіе къ нему, обратился къ присутствующимъ съ слѣдующимъ послѣднимъ прощальнымъ словомъ:

„Не имамы здѣ пребывающаго града“.

Такъ говорилъ св. Апостоль Павелъ, опредѣляя отношеніе христіанской земной жизни къ небесной, какъ переходное время, какъ поступательное движеніе отъ земли на небо, какъ переходный пунктъ отъ царства благодати и милости къ царству вѣчной славы и полного блаженства.

Какъ все божественное—естественно, велико и чудно, такъ велико и глубокосодержательно и это слово апостольское. Съ какой бы стороны мы не взглянули на то или другое божественное явленіе, будь то снѣжинка или былинка, или прекрасное дерево, растущее на благоплодной почвѣ, или какое нибудь сложное явленіе жизни природы или отдѣльнаго человѣка, если оно безыскусственно, естественно, то оно, какъ въ примѣ отражаетъ множество свѣтлыхъ сторонъ и особенностей, исполненныхъ красоты, правды, величія и благоговѣрности.

Такое же значеніе имѣетъ поистинѣ богодухновенное слово Апостола, вполне выражающее сущность жизни, какъ теченія, или путешествія изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, доколѣ не придемъ къ тому предѣлу вѣчной жизни, его же не преидеть никто.

„Не имамы здѣ пребывающаго града“.

Сколь ни старательно многіе всячески отгоняютъ отъ себя мысль объ этомъ странничествѣ нашемъ, сколь не устроятся многіе крѣпко и надолго, но налетаетъ вихрь и вырываетъ съ корнемъ даже и вѣковѣчные дубы. А сколько переходить въ иной родъ

бытія разныхъ тростей, былинокъ въ мірѣ всей природы вообще и человѣческой въ частности? Вотъ почему многіе любятъ странничество и какъ подвигъ, и какъ удовольствіе. Есть нормальныя проявленія этого вѣчно новаго стремленія и есть уродливыя его выраженія въ разнаго рода бродячихъ людяхъ, бѣгунахъ.

Еще не такъ давно одинъ нашъ замѣчательный писатель, опредѣляя духъ и характеръ другого знаменитаго писателя, поставлялъ ему въ особенную заслугу то, что онъ, характеризуя русскаго человѣка, отмѣтилъ черту его общечеловѣчности, указавъ ее въ томъ, что одинъ его герой примкнулъ вседушевно къ вѣчно бродячему табору. Здѣсь отмѣчена уродливая форма, но явленіе духа, запечатлѣнное въ немъ, есть быть можетъ выраженіе того общаго духа, который преимущественно присущъ русскому православному люду, ежегодно дающему тысячи и десятки тысячъ странниковъ во всѣ святыя мѣста вселенной и въ особенности многихъ ко граду Іерусалиму, какъ прообразу небснаго града, въ Кіевъ, въ Соловки и т. п.

Наши паломники—это калики переходящіе старыхъ временъ, это образцы древнихъ странниковъ, коими были почти всѣ ближайшіе преемники Апостоловъ и наконецъ Самъ Божественный нашъ Учитель и Спаситель, Который тоже ходилъ по землѣ изъ страны въ страну, изъ града въ градъ, не имѣя гдѣ главы поклонити.

Братіе и сестры о Господѣ, имѣя таковой и толикій сонмъ живыхъ образцовъ странничества, что я могу сказать о себѣ, взирая на предстоящій мнѣ далекій путь? Ничего, кромѣ словъ: да будетъ воля Твоя, Боже, ибо уповаю, что еще возьму крилъ мой рано и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо рука Твоя поставитъ мя и удержитъ мя десница Твоя, Господи!

Нельзя умолчать, что подняться и даже, можно сказать, оторваться отъ той почвы, на которой я жилъ почти 23 года, мнѣ весьма тяжело и душевно больно. Говорятъ, что въ 7 лѣтъ измѣняются всецѣло всѣ частицы нашего тѣлеснаго существа, а я

чувствую, что я изменился болѣе, чѣмъ троекратно, не только тѣлесно, но и душевно, пользуясь многосторонними условіями этого града, живущихъ и жившихъ въ немъ. Но это быть можетъ и должно быть особеннымъ поводомъ къ тому, чтобы я разстался со всѣмъ, что мнѣ здѣсь было такъ близко, родственно и любезно, ибо и всякъ, иже не отвержется, ради Христа, братіи, сестеръ, или отца, или матери не можетъ быть Его ученикъ; а я обрекъ себя Ему въ слугу и посла Его. Мнѣ ли жалѣть и тужить о всемъ, сердцу миломъ здѣсь, о всемъ, душѣ близкомъ и чувству привычномъ?!

Итакъ, туда, туда, ибо не имамы здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ. Быть можетъ, кто либо скажетъ: вѣдь это односторонній взглядъ, пожалуй, даже эгоистичный... Нѣтъ, ибо уне есть и вамъ, аще азъ иду, ибо инъ пріидеть къ вамъ, который новое возвѣститъ вамъ и воспомянетъ вамъ и то вѣковѣчное, что я говорилъ вамъ, ибо вси мы не отъ себя говоримъ, а что повелѣно намъ и дано; а я уже довольно послужилъ и сказалъ вамъ все, что могъ и долженъ былъ.

И то должно сказать, что вѣдь всѣ мы не имамы здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ. Пусть же мой путь будетъ для васъ живымъ образомъ недолговѣчности здѣшней жизни, непрочности ея. А теперь усердно всѣхъ прошу и молю: простите мнѣ всѣ, предъ кѣмъ я согрѣшилъ словомъ, дѣломъ или мыслию, и помолитесь вкупѣ, да взыдемъ въ тотъ градъ, гдѣ источники чище всякихъ кристалловъ, свѣтлѣе чистыхъ водъ, гдѣ не меркнутъ неба своды, гдѣ не смолкаютъ радостные клики славящихъ Господа. Тамъ ужъ можно будетъ сказать вполнѣ: нѣсмь мы странни и пришельцы, но сожители святымъ и приснии Богу.

Итакъ: туда, туда нашъ путь, чрезъ всѣ грады и веси здѣшней земли, ибо нова небесе и новы земли чаемъ, въ нихъ же правда живетъ. А сіи знаки святой любви вашей ко мнѣ обязываютъ вѣчно питать ту же любовь и къ вамъ, а всевятая икона, данная мнѣ братією сей св. обители, да будетъ нашею споручницею

въ этомъ, укрѣпляющею нашъ союзъ взаимной вѣры и любви во вѣки вѣковъ. Аминь.

На слѣдующій день былъ данъ въ честь отъѣзжающаго Преосвященнаго обѣдъ отъ лица Высокопреосвященнаго Архіепископа Казанскаго Владиміра, пригласившаго принять участіе въ обѣдѣ всѣхъ важнѣйшихъ дѣятелей Казанскаго края 19 Мая данъ былъ обѣдъ Преосвященному въ зданіи Семинаріи отъ лица духовенства и почитателей, при чемъ, понятно, было высказано много добрыхъ теплыхъ пожеланій, а затѣмъ отъѣзжающему преподнесли слѣдующій адресъ:

Ваше Преосвященство,

Преосвященнѣйшій Владыко!

Ваше почти девятнадцатилѣтнее служеніе въ Казани сначала Законоучителемъ Иностранческой Учительской Семинаріи (1874—1879), затѣмъ Ректоромъ Казанской Духовной Семинаріи въ санѣ Протоіерея и Архимандрита (1879—1891) и наконецъ Епископомъ Чебоксарскимъ, Викаріемъ Казанскимъ (1891—1893 г.), оставляло и оставляетъ у всѣхъ знавшихъ, знающихъ и почитающихъ Васъ сердечную признательность за тѣ труды, которые Вы принимали на себя для дѣла, которому служили, и за тѣ плоды, которые принесли эти труды на пользу тѣмъ, для кого Вы трудились. Плоды эти, благодаря кратковременности Вашего служенія, можетъ быть не вездѣ созрѣли вполне, но что они созрѣваютъ,—это извѣстно и чувствуется многими, знающими неутомимую дѣятельность Вашего Преосвященства. Для всѣхъ же Казанцевъ останутся незабвенными Ваши заботы о нравственно-религіозномъ просвѣщеніи народа,—объ устройствѣ церквей—школъ и школъ для просвѣщенія русскаго и иностранческаго населенія Казанскаго края и та неутомимая энергія, которую Вы проявляли во дни голодовки въ краѣ на пользу тѣхъ, на которыхъ простирались предѣлы Вашей дѣятельности.